

In memory of Boris Ivanovich Tishchenko

In December 2010, the outstanding composer, People's Artist of Russia, Boris Ivanovich Tishchenko passed away. But the memory overcomes death: his soul continues to live in his music, in the hearts of his relatives, friends and students. Their memoirs form a portrait of the Teacher, his vivid image that may never be forgotten.

Keywords: outstanding composer, Boris Ivanovich Tishchenko

Памяти Бориса Ивановича Тищенко

В декабре 2010 года ушел из жизни выдающийся композитор, народный артист России Борис Иванович Тищенко. Но память о нем побеждает смерть — его душа продолжает жить в музыке, сердцах близких людей и учеников. Их воспоминания создают портрет Учителя, его зримый образ, неподвластный забвению.

Ключевые слова: выдающийся композитор, Борис Иванович Тищенко

Светлана НЕСТЕРОВА

Композитор запоминается не приемами, а тем, что у него в душе, что в сердце...

Мое знакомство с музыкой Бориса Тищенко началось с первого виолончельного концерта. Сольная виолончель в одиночку противостояла огромной массе медных, деревянных, ударных. Она боролась за свой голос. Порой казалось, что ее возможности безграничны, настолько мощным было звучание. Но в итоге виолончель не выдержала натиска и погибла... Борис Иванович был потрясающе сильным, волевым человеком. Тема одиночества большого художника пронизывает все его

творчество. Наверное, одиночество — это удел всех великих людей.

Борис Тищенко — выдающийся композитор второй половины XX и начала XXI веков. Он достигает в своей музыке высочайшего эмоционального накала, на который способен только выдающийся композитор. У него есть свойственный только ему музыкальный язык, с помощью которого он размышляет о непреходящих ценностях, волнующих каждого из нас.

Самый известный факт биографии Б. И. Тищенко, упоминающийся буквально в каждой статье о нем — его ученичество в классе Д. Д. Шостаковича. Конечно, он был самым ярким, благодарным и тактичным учеником,

но разве это главное? К примеру, Л. Бетховен учился у Й. Гайдна, но мы его знаем именно как Л. Бетховена, а не ученика Й. Гайдна или А. Сальери. Если говорить о музыкальных корнях музыки Б.И. Тищенко, то рядом с именем Д.Д. Шостаковича по праву должны быть названы имена Л. Бетховена и Ф. Шуберта.

У Б.И. Тищенко было три любимых занятия: сочинение музыки, игра на рояле и преподавание. Он учил своих студентов гораздо большему, чем просто технической стороне дела: блестяще анализировал произведения искусства (литературы, живописи, музыки), проникая в самую суть вещей, высказываясь всегда очень точно и кратко. Б.И. Тищенко обладал высокой профессиональной этикой, но никогда не поучал, скорее, был старшим товарищем для своих воспитанников.

Есть композиторы, которым еще при жизни открываются тайны мироздания, недоступные простым смертным. 22 января 2006 года Б.И. Тищенко заканчивает концерт для скрипки, фортепиано и струнного оркестра. Это музыка о смерти. В финале концерта нет ни патетики, ни слез, ни «страшных» аккордов, ни зауспокойного хорала. Тихая, удивительной красоты мелодия, льется свободно, неторопливо, истаявая в постепенном *diminuendo*, доходя до четырех *piano* и флажолетов. 22 июля 2008 года он узнает свой диагноз — рак. Его уход из жизни был таким же тихим, его муки незаметны для окружающих.

За те пятнадцать лет, на протяжении которых я его знала, Борис Иванович ни разу не уходил на больничный. И ни разу не опоздал на урок. Даже будучи тяжело больным, продолжал ходить в консерваторию, пока физически мог это делать. На своем последнем уроке (это было в конце октября 2010 года) он сказал: «Чем меньше мне остается жить, тем отчетливее я понимаю, что композитор запоминается не приемами, а тем, что у него в душе, что в сердце...».

Андрей ДЕНИСОВ
За дверями класса № 36...

Воспоминания о Борисе Ивановиче невозможно уложить в рамки жанра *In memoriam* — настолько яркие и сильные впечатления он оставил в сознании своих учеников. Они не меркнут со временем, властно воскресая в памяти, в которой даже безвозвратно ушедшее Прошлое обретает новую жизнь.

Учиться у Бориса Ивановича было нелегко. Никаких универсальных педагогических рецептов не было, да и быть не могло. Слишком разными были ученики — и в смысле стилевых пристрастий, и в плане сугубо

технической подготовки, и даже в отношении возраста. Самые неумелые, наивные опусы первокурсников, которые у нас нередко вызывали улыбку, Борис Иванович терпеливо дослушивал до конца, ни одним жестом или словом не показывая, что его «что-то не устраивает».

Критика — даже по принципиальным вопросам — всегда высказывалась настолько деликатно, что безошибочно находила свой «адрес» в сознании ученика. Но даже самые строгие замечания никогда не имели схоластически-рационального происхождения. Фантастическая музыкальная интуиция всегда точно подсказывала педагогу, что именно проигрывает в драматургии, оркестровке, фактуре сочинения¹. Вторжение в музыкальное пространство ученических произведений всегда было чутким и осторожным — насколько я помню, Борис Иванович почти никогда ничего не вычеркивал в нотной записи, стремясь максимально полно сохранить авторский замысел.

Ни одно занятие не проходило без живого контакта с музыкой. Встреча со студентами всегда открывалась прослушиванием одного или нескольких сочинений, чему предшествовал краткий аналитический разбор. Он был бесконечно далек от академизма и теоретического схематизма. Иногда он мог состоять всего из нескольких замечаний — поразительно метких и точных, в которых моментально схватывалась композиционная идея сочинения. Иногда были и детальные разборы — так, Борис Иванович показал значительную часть «Коронации Поппеи» К. Монтеверди (причем не только оригинальный вариант, но и оркестрованные им фрагменты).

Звучали и сочинения самого Бориса Ивановича — «Ярославна», Третья и Пятая симфонии, фортепианные произведения. Однажды в классе он исполнил свои Фортепианные вариации, с которыми поступал в консерваторию. Впечатление невозможно передать словами — уже в этом, совсем раннем, опусе стиль композитора полностью сложился. И хотя Борис Иванович неоднократно признавался в том, сколько композиторов оказали на него воздействие, мощные энергетические линии его индивидуальности подчиняли элементы «чужого слова» собственной манере письма.

Музыкальные пристрастия Бориса Ивановича отличались четкой определенностью. Безусловное преклонение перед Д. Шостаковичем вовсе не заслоняло творчества других композиторов — подчас крайне несхожих. Среди любимых авторов — А. Онеггер, С. Прокофьев, Л. Бетховен, Б. Барток, И. Стравинский. Скептическим было отношение к импрессионистам, О. Мессияну, Р. Вагнеру, Р. Штраусу (по поводу одного из его сочинений, которое Борис Иванович все же показал в классе, он иронично заметил: «Я его буду слушать, конечно,

¹ Едва ли не решающее значение Борис Иванович придавал работе над мелодией. Именно в однополосии, по его мнению, соединялась редельная концентрация смыслов и зона повышенной ответственности композитора. Огромную роль имела работа над вокальной интонацией — камнем преткновения для многих композиторов.